

Ободренный успехом, С. решил поведать о своих похождениях; он пишет ряд очерков из босяцкой жизни, вошедших затем в книги **«Ростовские трущобы»** (1893), **«В стенах тюрьмы»** (1894), **«По тюрьмам и вертепам»** (1895). Продолжая развивать традиции В. Крестовского и раннего М. Горького, С. создает те особые типы маргинального героя, которые найдут продолжение и в советской лит-ре («Вор» Л. Леонова, «Последняя кража» П. Нилина и др.).

Примерно в это же время С. женился на рабочей табачной фабрике Т. А. Ростовцевой. По словам С., этот брак сыграл большую роль в его писательской судьбе. Вдохновленный поддержкой жены и признанием столичной критики (Скабичевский и др.), С. в 1896 переезжает в Петербург. При содействии В. И. Немировича-Данченко в изданиях «Новостей» печатается ряд очерков С. о страшных подробностях тюремного быта и нелегких путях нищего человека, пытающегося выжить. Под псевдонимом А. Ростовский С. печатался в «Петербургском листке». С. сотрудничал также в ряде др. столичных изд. — газ. «Биржевые ведомости», «Новая газета», ж. «Всходы», «Жизнь», «РБ», «Рубикон», где публиковал заметки и очерки на различные темы городской жизни, о событиях Первой мировой войны.

Рассказы и очерки из жизни беспризорных детей и подростков С. объединил в сб. **«Несчастные дети»** (1897), ставший предысторией цикла **«Погибшие люди»** (1898). О содержательной стороне этого трехтомника красноречиво говорят заглавия его книг: т. I — **«Мир трущоб»**, т. II — **«Мир тюрем»**, т. III — **«Мир нищих и пропойц»**. Это изд. принесло С. значительный успех.

Под влиянием еврейских погромов С. начинает проникновенный разговор о еврейской бедноте, «мире отверженных вечных странников» (сб. **«Вечные странники»**, 1899); тема эта, не чуждая всем произведениям С., станет главной в таких книгах, как **«Еврейские рассказы»** (1909), **«В черте»** (1914), **«В дни бесправия»** (1927), **«Евреи»** (1934).

Большую популярность приобрела повесть С. для детей **«Рыжик»** (1901–04), рассказывающая о невзгодах и приключениях маленького бродяги. Книга была переведена на мн. яз., а в 1960 на Московской киностудии им. М. Горького экранизирована под одноименным названием (реж. И. Фрэнз, сценарист М. Львовский).

С 1905 в столичных и провинциальных театрах идут постановки по пьесам С.—

«Тюрьма», «Белый ангел», «На покое» (совместно с А. Куприным), **«Заратустра села Будникова»** и др.

Повестью **«Преступник»** (1900), напечатанной в марксистском ж. «Жизнь», С. заявил о своих социал-демократических позициях. С 1906 редактирует «Новую газ.», примерно в это же время в его творчестве зазвучала новая тема — о рабочем классе (дважды запрещаемая цензурой повесть **«Записки рабочего»**, 1906; **«Черные люди»**, 1908). В 1914–15 С. редактирует ж. «Рубикон».

После революции 1917 С. занимается культурно-просветительской деятельностью, в 1919 вступает в РКП(б) и уходит добровольцем на фронт. В 1922 переехал в Москву. В 1920-е С. был членом лит. объединения пролетарских писателей «Кузница», членом правления Всероссийского СП. Продолжал разрабатывать тему рабочего класса (рассказ **«Стальное сердце»**, 1925, и др.). С 1928 был занят написанием итоговой автобиографической книги **«История моей жизни»**, первый вариант которой был опубликован в 1929–34. В книге воплотился богатый жизненный опыт и уникальные наблюдения, частично в нее вошли ранее публиковавшиеся произведения, имеющие автобиографическую основу (**«По низинам»**, **«Лагерь смерти»**, **«Полынь»** и др.). Творческое наследие С. интересно прежде всего неповторимым психологическим и социально-этнографическим материалом, на котором решаются традиционные вопросы русской лит-ры.

Соч.: ПСС: в 10 т. [С автобиографией] / вступ. статья И. Кубикова. М., 1928–30; История моей жизни. М., 1947.

Лит.: Резник О. [Об А. Свирском] // Свирский А. История моей жизни. М., 1947. С. 3–11; Либединский Ю. Незабвенный создатель «Рыжика» // Либединский Ю. Современники: Воспоминания. М., 1961; Свешникова Р. Творческий путь А. И. Свирского. Курск, 1970.

Е. И. Колесникова

СЕВЕРЯНИН Игорь (настоящее имя Игорь Васильевич Лотарев) [4(16).5.1887, Петербург — 20.12.1941, Таллин] — поэт.

Родился в семье офицера. Окончил реальное училище в г. Череповце. Начал писать стихи с 8 лет. Первое стих. **«Гибель Рюрика»** появилось в печати в ежемесячном ж. для солдат и нижних чинов «Досуг и дело» в 1905. Ранние стихи носили ученический характер и не вызвали интереса у читателей. Но начинающий автор проявил завидное упорство в желании привлечь к себе внима-

И. Северянин

ние. На свои деньги он издал в общей сложности 35 брошюр собственных стих. и разослал их по редакциям «для отзыва». Но поэт не замечали вплоть до 1909, когда на него «обратил внимание» Л. Н. Толстой, который пришел в негодование от стихов из брошюры **«Интуитивные краски»**. После этого имя С. стало широко известным. «С легкой руки Толстого, — вспоминал С., — меня стали бранить все, кому не было лень. Журналы стали охотно печатать мои стихи, строители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них участие...» С. выступает в самых престижных залах Петербурга: Городской думы, благородного собрания, в Конференц-зале Академии художеств, университете, на Высших женских курсах, в театре «Комедия», в «Бродячей собаке» и др.

Названия сб. С. носили претенциозный характер: **«Зарницы мысли»**, **«Интуитивные краски»** (оба — 1908), **«Колье принцессы»** (1910), **«Электрические стихи»**, **«Эпиталама»**, **«Ручьи в лилиях. Поэзы»** (все — 1911), **«Качалка грезерки»** (1912).

В ранних стихах С. можно проследить зависимость молодого поэта от К. Фофанова и В. Брюсова. К этим двум именам следует прибавить и Мирру Лохвицкую, чью утонченную лирику С. ценил очень высоко и которую считал своей предшественницей.

Настоящая слава пришла к поэту лишь в 1913, когда появился его сб. **«Громокипящий кубок»**, который стал событием в русской поэзии начала века.

В течение двух лет книга выдержала 7 изд. Предисловие к ней написал Ф. Сологуб;

А. Блок в дневнике записал: «Отказываюсь от многих своих слов: я преуменьшал его, хотя он и нравился мне временами очень. Это настоящий, свежий, детский талант...» Сочувственно отозвался о молодом поэте и Н. Гумилев, отмечая «богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы».

К этому времени С. уже заявил о себе как о создателе нового лит. направления, которое он назвал по примеру итальянского поэта, публициста и теоретика лит-ры Маринетти футуризм. «В отличие от школы Маринетти, — писал в связи с этим С., — я прибавил к этому слову приставку „эго“ и в скобках: „вселенский“». Ядро группы эгофутуристов, помимо самого С., составили поэты Константин Олимпов (сын К. Фофанова), Грааль Арельский (С. Петров), Георгий Иванов. Непродолжительное время к ним примыкали Владимир Шершеневич, Рюрик Ивнев, Борис Лавренев и нек. др. Но союз этот был непрочен и быстро распался. В 1913 С. поехал с «собственными поэзоконцертами» по городам России (Минск, Кутаиси, Харьков, Симферополь, Севастополь и др.).

С самого начала С. решительно отмежевался от кубофутуристов. На их предложение «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с „Парохода современности“» С. отвечал: «Не Лермонтова с парохода, а бурлюков на Сахалин».

Свое понимание нового лит. направления С. изложил в **«Прологе эгофутуризма»** (1911): «Мы живы острым и мгновенным... и что ни слово, то сюрприз». Здесь же и само-рекламное заявление: «Я прогремел на всю Россию как оскандаленный герой!.. / Литературного Мессию во мне приветствуют порой». Год спустя появилось его скандальное заявление: «Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен: я повсеградно оэкраен! Я повсесердно утвержден» (**«Эпилог»**). Самолюбование поэта достигает того предела, когда это становится уже и комичным, и пошлым: «Мой стих серебрянобрильянтовый жителен, как кислород. „О гениальный! О талантливый!“ — мне возгремит хвалу народ» (**«Самогимн»**); «В экстазе идолопоклонства молюсь таланту своему» (**«Поэза о солнце, в душе восходящем»**).

Вслед за «Громокипящим кубком» появились сб. **«Златолира»** (1914), **«Ананасы в шампанском»**, **«Укюпа Кеа»**, **«Поэзоантракт»** (все — 1915), **«Тост безответный»** (1916). Эти книги не прибавили ничего существенного к творческому облику поэта. Бросалось в глаза самоповторение, варииро-

вание уже достигнутого. Однако слава С. держалась по-прежнему высоко, чему немало способствовали его публичные выступления. С. был великолепный чтец, исполнял свои «поэзы» особым образом, нараспев, чем умело выделял их мелодичную основу. Да и сами названия стих. подчеркивали их связь с музыкой: «**Хабанера**», «**Полонез**», «**Ноктюрн**», «**Соната**», «**Увертюра**», «**Симфония**», «**Серенада**», «**Интродукция**», «**Интермеццо**» и т. д. И действительно, стихи С. исключительно мелодичны, мн. из них словно бы напоены музыкой. Не случайно на стихи С. писали музыку композиторы, среди которых был С. В. Рахманинов. Романы на слова С. включал в свою программу А. Вертинский.

27 февр. 1918 в зале Политехнического музея происходило избрание короля поэтов. В конкурсе принимали участие К. Бальмонт, В. Маяковский и др. менее известные. Победу одержал С., которому и присудили звание «короля поэтов».

В самых ранних стих. С. иногда затрагивал мрачные стороны жизни («**А знаешь край?**», «**Памяти Н. А. Некрасова**»), Но темы «униженных и оскорбленных» были чужды поэту, их трудно было совместить с его мироощущением, с его эстетикой. Свою позицию художника относительно реальной действительности он выразил намеренно четко: «Я трагедию жизни претворю в грезофарс». И поэт следовал этому принципу неукоснительно вплоть до того времени, когда жизнь вдали от родины обернулась для него своей изнанкой. Но в период своей славы С. принципиально уходил не только от политики, но и от всего, что могло омрачать радость жизни. И делал это самозабвенно, упоенно, с вызовом; но салонно-будуарный стиль, к которому тяготел С., придавал его поэтической работе уродливый и пошлый вид. В то же время у С. есть немало произведений, отмеченных и подлинным чувством, и высоким мастерством: «**Душа поет и рвется в поле, / Я всех чужих зову на „ты“... / Какой простор! Какая воля! / Какие песни и цветы!**» Поэт готов, «как друга, целовать врага», потому что «виновных нет: все люди правы в такой благословенный день!» («**Весенний день**»).

В произведениях С. часто встречаются имена выдающихся деятелей лит-ры и искусства: Сафо, Шекспир, Пушкин, Фет, Гумилев, Ахматова, Чайковский, Шопен, Григ и др. Мн. из них поэт посвятил отдельные сонеты, которые впоследствии издал отдельной книгой под названием «**Медальоны**» (1934). В нее вошли 100 сонетов и вариаций о поэ-

тах, писателях и композиторах. Не все из них удачны, характеристики, данные в них, часто поверхностны и носят субъективный характер.

С. виртуозно владел техникой стихосложения. Его ритмы оригинальны, многообразны, стихотворные формы изобретательны, рифмы (среди них нередко составные, каламбурные) часто свежи, неожиданны.

С. любил щедро оснащать свои «поэзы» иностр. словами. Редкое его стих. обходится без них: «муар», «паж», «ландо», «манто», «будуар», «боа», «эксцесс», «мисс», «клеврет», «одалиска», «колье», «комфортабельно», «элегантно» и т. д.

Однако порой для поэта важнее было звучание такого слова, а не его смысл. И тогда С., теряя чувство меры, начинал экспериментировать над словом: «пора популяризировать изыски», «звонко душа освириелься», «и было тундрово, и было северно», «снежеет дружно, снежеет нежно, над ручейками хрусталит хрупь», «водопадить», «осупружиться», «фиалковый фиал», «девятнадцативешняя», «беззаконец». От существительного «элегия» поэт образует «элежно», от глагола «предать» — «предаж», дама полусвета у него «демимонденка»... Именно за это, а также за непомерное тщеславие и пошлость В. Брюсов подверг резкой, но справедливой критике последовавшие за «Громокипящим кубком» сб. С. «Златолира», «Ананасы в шампанском», «**Viktoria Regia**».

Октябрьские события 1917 резко изменили личную и творческую судьбу С. Еще до этих событий поэт часто ездил в Эстляндскую губ. (Эстония) и проводил там летние месяцы.

В 1918 он перевез туда больную, старую мать. Здесь же он познакомился со своей будущей женой. Обстоятельства сложились так (немецкая оккупация, провозглашение Эстонии самостоятельным государством), что поэт оказался за пределами родины. С. никогда не считал себя ни беженцем, ни эмигрантом (об этом он пишет в стих. «**Наболевшее**») и постоянно подчеркивал свою духовную связь с Россией и свой «русский талант».

В творчестве С. отчетливо прослеживаются два периода: первый — до 1918 и второй — с 1919 по 1941. Первый период характеризует творчество С. как ярко романтическое. Поэт создает свой особый мир, далекий от реальной жизни. Это страна грез — Миррелия, названная так в честь «певицы страсти» Мирры Лохвицкой. В этой стране царствуют две королевы: Любовь и Красота. В этой стране женщина (неважно, кто она: принцесса или заурядная кокетка, велико-

светская дама-куртизанка или деревенская простушка) — предмет поклонения.

Параллельно с этой сказочной страной в творчестве С. существует мир полусветской экзотики, можно встретить «у эскимосской юрты» и «в тропической Мексике», на берегу моря, «где ажурная пена», и «в шале березовом, совсем игрушечном и комфортабельном, у зеркалозера, в лесу одобренном». Поклонники этих дам — завсегдатаи салонов, любители загородных прогулок «в ландо моторном, в ландо шикарном», эстетствующие снобы и гурманы.

С 1918 С. постоянно живет в Эстонии. Он много работает. За годы, проведенные за рубежом, С. выпустил 17 книг, однако тираж их был мал и спрос на них невелик. В начале 1920-х С. еще часто совершает гастрольные поездки в др. страны. Он выступает в концертных залах Литвы, Латвии, Финляндии, Польши, Германии, Югославии, Румынии, Болгарии и Франции. В Берлине С. в 1922 выступал совместно с Маяковским и А. Н. Толстым.

В первой половине 1920-х С. публикует автобиографическую трилогию, состоящую из поэм **«Роса оранжевого часа»**, **«Падучая стремнина»**, **«Колокола собора чувств»**. В 1925 С. опубликовал «роман в строфах» под названием **«Рояль Леандра»**. Отталкиваясь от пушкинской «энциклопедии русской жизни», автор в этом романе, написанном онегинской строфой, сделал попытку дать широкую картину лит.-худож. и общественной жизни России накануне Первой мировой войны. В произведении мелькают многочисленные имена писателей, артистов, философов, композиторов, художников, политических деятелей. Но их краткие характеристики и авторские комментарии в виде лирических отступлений мало способствуют реализации замысла. Из др. крупных произведений С. этого периода следует отметить поэму **«Солнечный дикарь»**, которую автор назвал «утопической эпопеей»; содержание ее навеяно идеями Руссо.

Если основные темы прежних стихов С., по его собственному определению, — это Любовь и Слава, то после 1919 их сильно потеснила тема покинутой, но не утраченной родины. Она стала главенствующей в лучшем сб. лирики С. зарубежного периода — **«Классические розы»** (**«Отечества лишенные»**, **«Колыбель культуры новой»**, **«Стихи о Москве»**, **«Пасха в Петербурге»**, **«Моя Россия»**, **«В пути»**, **«Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!»** и мн. др.).

Среди стихов книги есть подлинные шедевры, такие, как **«Записка»**, **«Классические розы»**, **«И будет вскоре...»**, **«Не более, чем сон»** и др.

Особое место в творчестве С. «эстонского периода» стала занимать пейзажная лирика. Поэт еще раньше заявил о себе как художник, тонко чувствующий красоту природы. В новых стихах значение ее для поэта неизмеримо возрастает, природа становится неотъемлемой частью его бытия: **«На земле, в красоте...»**, **«И тогда»**, **«Вода примирияющая»**, **«В забытьи»**, **«Все они говорят об одном»**, **«Осенние листья»** и др. С. почти полностью отказался от прежней манерности, изобретательных изысков; его речь приобретает классическую ясность, простоту и естественность.

Переводческая деятельность С. этого периода — особая страница его творческой биографии. Он много трудится над переводами произведений прежде всего эстонских поэтов: Л. Алле, Ю. Лийв, Ф. Туглас, И. Семпер, Й. Барбарус, Г. Виснапу, М. Ундер, А. Ранник. В 1928 С. издал антологию эстонской лирики за 100 лет. Он переводит также стихи с французского (Ш. Бодлер, П. Верлен, С. Прюдом и др.), немецкого (Д. Либлиенкорн), польского (А. Мицкевич), болгарского (Х. Ботев, П. Славейков) и др.

На присоединение Эстонии к СССР С. откликнулся несколькими стих., в которых выразил радость по поводу возвращения на родину (**«Привет Союзу»**, **«Ты только, крестьянская, рабочая»**), худож. ценность которых, однако, невысока. Тяжелобольной поэт мечтал переехать в Ленинград, но помешала война с фашистской Германией. В дек. 1941 С. скончался.

Соч.: Соч.: в 5 т. / под ред. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова. СПб., 1995–97; Стихотворения и поэмы. 1918–1941. М., 1990; Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / предисл. и комм. Е. Филькина. М., 1999; Избранное / вступ. статья М. Латышева. М., 1999; Избранное / сост. В. М. Рошаль. СПб., 2000. (Бка поэзии).

Лит.: Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи, рецензии. М., 1916; Рождественский В. А. [Вступ. статья] // Северянин И. Стихотворения. Л., 1975; О Игоре Северянине. Череповец, 1987; Фигурнова О. С. Игорь Северянин в Эстонии [Библиография] // De Visu. 1933. № 2; Бавин С. П., Семибратова И. В. Судьбы поэтов «серебряного века». М., 1993; Документова Н. Т. Игорь Северянин и Константин Фофанов (По архивным материалам) // Творчество писателя и лит. процесс: сб. статей. Иваново, 1993; Исаков С. Г. Русские в Эстонии. 1918–1940. Тарту, 1996; Шаповалов М. А. Король поэтов: И. Северянин. Страницы жизни и творчества

(1887–1941). М., 1997; Аннинский Л. Серебро и чернь. М., 1997; Сыроватко Л. В. Мотивы Достоевского в книгах стихов Максимилиана Волошина и Игоря Северянина // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2000. С. 203–213.

В. Ф. Дитц

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич [12.4.1959, Москва] — прозаик.

Дед С. происходил из семьи бедных выходцев из Венгрии, жил в д. Девятки в Белоруссии. Фамилия Сегень означает «бедный, нищий». Отец писателя всю жизнь работал водителем, мать — инженер. С. окончил московскую школу с углубленным изучением английского яз., по окончании школы поступил в Автодорожный ин-т. С 1980 по 1985 С. учился в Лит. ин-те им. М. Горького, а затем — аспирантура в этом же ин-те. И хотя дис. на тему «Публицистика Н. М. Карамзина» не была завершена, С. собрал воедино списки трактата Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в 1988 в ж. «Лит. учеба» опубликовал текст трактата Карамзина и комм. к нему. Позднее в 2001 в книге «Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века» было опубликовано исследование С. **«История создания и публикации трактата Карамзина „О древней и но-**

вой России в ее политическом и гражданском отношениях»». Участь в аспирантуре, С. сотрудничал в ж. «Филол. науки», в «Лит. учебе». С 1999 он — секретарь правления СП России. Обращение С. к социально-политическим трудам способствовало формированию взглядов писателя на будущее России. С. придает большое значение роли православия в истории страны. На встрече с О. Волковым в редакции «Нашего современника» С. скажет о «Неугасимой лампаде» Б. Н. Ширяева: «Для меня эта книга была как Откровение». С. потрясла глава «Фрейлина трех императриц» (Путь к спасению. Беседа с русским писателем Олегом Волковым // Наш современник. 1991. № 4).

По словам С., его «основное литературное устремление — сохранять и восстанавливать традиционную русскую литературу». Первые произведения С. относятся к 1986.

Роман **«Похоронный марш»** (1988) был по праву удостоен двух лит. премий — премии им. А. М. Горького (1989) и премии им. В. М. Шукшина (1991). Герои «Похоронного марша» — обычные простые люди. С. любит своих героев, но не идеализирует их, писатель внимателен к внутреннему миру героев, у него нет единой массы, герои индивидуальны. В романе звучат пушкинские, гоголевские, шолоховские интонации, роман лежит в русле русской лит. традиции. Имя С. было вписано в «Лексикон русской литературы» В. Казака.

Одним из знаменательных событий своей жизни С. считает поездку в Афганистан в 1988 (командировка Главного политуправления Министерства обороны СССР). Впечатления от поездки легли в основу повести **«Заблудившийся БТР»**, над которой писатель работал в мае–июне 1990. Эпиграфы к повести — первый из «Заблудившегося трамвая» Н. С. Гумилева: «Он оставлял и при свете дня / В воздухе огненную дорожку» — и второй — из «Возвращения» Ю. М. Ложица: «Не смейте умирать! Вы нам нужны живые! / Родные вы мои! Не смейте умирать! / В тоскующих полях истерзанной России / Иная уготована вам рать». Они настраивают читателя на восприятие особой тональности стиля С., поэтичности его рассказа, любовного, сердечного отношения писателя к своим героям. В повести органически сочетаются реалистическое изображение отряда спецназа, уходящего на боевое задание, с тем, чего не было в яви, что было порождено бредовым сознанием (после тяжелого ранения) командира спецназа Альберта Митяшина (заблудившийся БТР, несущийся «среди гор по планете Афган», история и при-

А. Ю. Сегень